

«УПРАВЛЕНИЕ РОССИЕЙ — ЭТО УПРАВЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВОМ РАЗНООБРАЗИЯ»

Известный психолог, ученый Александр Асмолов
о необходимости вариативности в образовании.

Зачастую, когда обсуждается вариативность в образовании, это явление сводят к внешним аспектам: выбору школы, программы, учебников. За этим стоит своя, присущая обыденному сознанию правда. Но необходимо сделать несколько акцентов.

Исторический акцент связан с конструктом вариативности. «Вариативное образование» было введено в дискурс как термин в декабре 1991 года, когда заканчивался Советский Союз и возникала, уже в другом пространстве коммуникаций, Россия. Тогда вышла моя статья, которая называлась «Рубенс против Дюрера» и показывала ущербность логики: «Ты за кого? За белых или за красных? За учебник физики Перышкина или учебник физики Кикоина?..» Вместо этого был и остается необходимым анализ эволюционного смысла образования.

Как механизм историко-эволюционного процесса образование работает в двух режимах. Либо жесткая работа на адаптацию, и тогда в перспективе мы имеем только стандартные программы и шаблоны. Гениальным вариантом такого образования была классно-урочная система, разработанная великим Яном Амосом Коменским, который, по сути, создал фабрику стандартного производства — конвейер, задолго до Форда, — победив тех, кто нес другие идеи: вагантов, менестрелей, образовательных кочевников... Либо — как механизм вариативности, variability, готовности к изменчивости системы. В разных системах существуют как минимум три формы отбора. Дарвиновский «направляющий отбор», в рамках которого уничтожается все слабое. Придающий устойчивости «стабилизирующий отбор» Ивана Шмальгаузена. И отбор, который замечательный антрополог Валерий Алексеев назвал «расеивающим» — поддерживающим любые вариации. Последний связан со странным феноменом в эволюции — системной мутацией. За ним стоит своеобразная «гипотеза обнадеживающих уродов», которая означает: то, что в эволюции кажется нам странным, непонятным и прежде всего избыточным для системы, при наступлении неопределенности, кризисов или конфликтов создает новые ниши и завоевывает новые территории.

Для меня вариативность — это именно проявление избыточности системы, без которой та не может развиваться в мирах, описываемых Ильей Пригожиным и Нассимом Талебом. Поэтому эволюционные идеи о variability и главный принцип «образование должно быть избыточным по отношению к сиюминутной адаптивной ситуации» были введены как идеология вариативного образования.

При этом парадокс заключается в том, что именно вариативность обеспечивает динамическую устойчивость — устойчивое развитие в ситуации кризиса. Она дает возможность нашим ребятам, которые приходят в школу и вуз, сегодня, когда мир превратился в колоссальный ускоритель эволюции, подготовиться к жизни в этом мире.

Меня часто неправильно понимают: я не против, а за ЗУНы — «знания, умения и навыки». Вопрос лишь в том, какое место они занимают в иерархии системы. Сегодня на первом месте не hard skills и даже не любимые Германом Грефом soft skills. Впереди то, что я называю «вариативные» и «преадаптивные» программы развития. В их числе, применительно к школе, находятся программы, которые идут от Льва Выготского, Даниила Эльконина, Василия Давыдова.

В 1994 году мы с коллегами Василием Давыдовым, Любовью Кезиной, Артуром Петровским предложили вернуться к педологии как науке о разнообразии ребенка. Инструментами для обеспечения разнообразия в те годы стали с трудом проведенные вполне конкретные решения. Например, возможность сочетания форм семейного, негосударственного и государственного образования. Я также осторожно добился того, что вместо одного издательства «Просвещение» появились более сорока издательств. Авторы перестали быть рабами монополии, была заложена возможность выбора для учителя. Необходимо понять: Россия не гомогенное пространство. Когда кто-то говорит «единое образовательное пространство», он зачастую при этом не понимает главного: управление Россией — это управление пространством разнообразия. И вариативность является инструментом, с помощью которого мы позволяем людям с разными стартовыми возможностями достигать успеха своими путями. Как говорил Карл Юнг, важны не узкие колеи, а необходимые пути развития.

НИКОЛАЙ ГАРИН/ТАСС

Всегда стоит помнить поучительную историю. . .

В 1940 году Уинстону Черчиллю было предложено ограничить обучение в школах одним учебником по каждому предмету. Он ответил:

«Я ничего не смыслю в образовании, но не сделаю этого, потому что это уже сделали Гитлер и Муссолини. . .»

Сегодня мы испытываем на себе «эффект колеи» и даже узкоколейки. Из нее не вырваться, отказавшись от вариативности. Именно она, благодаря идеям Выготского, Давыдова и Леонида Занкова, позволила нам совершить рывок в дошкольном образовании. Именно она в 2016 году обеспечила нашей начальной школе первое место по PIRLS — через понимание, а не вызубривание текстов.

Да, средняя и старшая школы оказались куда больше привязаны к парадигме «знаний, умений, навыков», прежде всего в ментальности учителей. Нужен был «интенсивный курс» перехода к вариативному образованию для педагогов, а этого не произошло. Но он нужен по-прежнему, и никакая «цифровизация» его не заменит: инструменты должны идти за идеологией.

Сегодня даже среди лучших, к которым относятся мои коллеги — Ярослав Кузьминов, Алексей Кудрин, — господствует разработанная экономистами еще в 1960-х идея так называемого человеческого капитала. Отсюда вытекает разговор о «средствах», «ресурсах» и «новой нефти». Для меня куда важнее образование как вариативная форма развития человеческого потенциала: от него ключевой вектор идет к человеческому капиталу.